

Порядок чтения книг Вселенной Упорядоченного. Буква «о» в скобках означает отступление от основного сюжета: события идут либо параллельно с основным сюжетом, либо до основного сюжета.

- Гибель богов
- Воин великой тьмы (о)
- Земля без радости (о)
- Тысяча лет Хрофта (о)
- Алмазный Меч, Деревянный Меч
- Рождение мага
- Эльфийская стража (о)
- Дочь некроманта (о)
- Странствия мага
- Вернуть посох (о)
- Одиночество мага
- Война мага
- Война ангелов (о)
- Память пламени
- Удерживая небо
- Пепел Асгарда
- Асгард возрожденный
- Хедин, враг мой
- Прошедшая вечность
- Орел и дракон
- Восстание безумных богов. Северная Ведьма (о)
- Душа бога. Том 1
- Душа бога. Том 2
(именно эта книга и завершает основную историю Упорядоченного)
- Когда мир изменился

ВСЕЛЕННАЯ УПОРЯДОЧЕННОГО
Летописи Разлома. Книга I

Ник Перумов

**АЛМАЗНЫЙ МЕЧ,
ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ**

Оформление Андрея Мозгалеvского

Ростов-на-Дону

 Е Н И К С
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445
КТК 650
П27

Перумов, Ник.
П27 Алмазный Меч, Деревянный Меч / Ник Перумов. — Ростов н/Д : Феникс,
2022. — 717, [2] с. : ил. — (Вселенная Упорядоченного. Летописи Разлома).
ISBN 978-5-222-36611-0

Разгромлены, подавлены, унижены гномы, эльфы, орки и Дану. Империя хумансов магией великих Магических орденов сеет кровь и страх. Но те, кого пренебрежительно называют «нелюдь», готовят страшную месть. В Друнгском Лесу созревает ужасающий меч Дану — Иммельсторн. Глубоко под толщей гор сияет разрушительной мощью меч гномов — Драгнир. Близится время легендарного сражения!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445

Литературно-художественное издание

НИК ПЕРУМОВ

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ, ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ

16+

Ответственный редактор *В. Атамашкин*
Выпускающий редактор *Г. Логвинова*
Технический редактор *Т. Ткачук*
Художник *А. Мозгалевский*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 07.2022. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»
(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)
Адрес: Дудулли Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,
Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776
(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,
Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)
по заказу и под контролем ООО «Феникс»

ISBN 978-5-222-36611-0

© Ник Перумов, 2022
© Оформление: ООО «Феникс», 2022
© Андрей Мозгалевский, иллюстрации, 2022
© В оформлении книги
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

ОТ АВТОРА

Этот роман написал себя сам. Как правило, я знаю, чем и как должна закончиться книга, в середине возможны вариации. Но тут были только два меча со своими названиями, которые пришли сразу же, в одном миге озарения, представившись: Драгнир и Иммельсторн. Мне даже не пришлось ничего придумывать. И уже после явился третий меч, меч без имени, черный фламберг. Меч горя и бедствий. Так начиналась эта книга, и герои ее остались со мной — и с вами, мои дорогие читатели, — на долгие десятилетия.

ПРОЛОГ

ПРОРОЧЕСТВА

«Когда Два Брата обретут свободу, наступит конец времен».

«Будет народ Дану доведен до отчаяния. И когда останется их меньше, чем речных камешков в горсти, отмщение их состоится».

Гаипте Мудрая, Видящая народа Дану

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ, СИМВОЛ ВЕРЫ СПАСИТЕЛЯ

«Истинно говорю вам — бывает так, что малый грех обращает в ничто целую праведную жизнь, и за прегрешение одного страдают все. Внемите же! Праведно живите и скромно, ибо копятя грехи мира, и настанет день, когда они будут взвешены и измерены, и никто не узнает, какой из малых грехов качнет Чашу Терпения Его.

И еще, и также истинно говорю вам — трепещите! Ибо Три Зверя Спящих должны получить свободу, но не дана будет им власть вредить тварям живым сразу, а лишь по прошествии трех дней. И пока все Три не освободятся, не прольется Чаша. Так взмолимся же, дабы отвел Он от нас участь сию! Аминь».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. БРОДЯЧИЙ ЦИРК

До Хвалина бы добраться, покуда Ливень не нагнал... Она проснулась, вырвавшись из зыбкого, зябкого сна. Сквозь щели и прорехи фургонного полога сочился промозглый октябрьский ветер. Ветхое и кургузое одеяльце не спасало, если бы не смертельная усталость, она не сомкнула бы глаз до утра. Очень болел старый шрам на шее — к дождю. Старый и страшный шрам... очень страшный...

Опять дорога. Будь она проклята. И вечное «...покуда Ливень не нагнал...», в разных вариациях повторяемое всей без исключения труппой.

Да, здешний Ливень действительно мог бы именоваться именно так, с большой буквы. Он и впрямь должен был не «зарядить», а нагнать — мрачное и темное, небесное воинство шло с востока, горизонт клубился черным, словно там, вдали, полыхали невиданные пожары — но обо всем, что касалось Смертных Ливней, люди старались говорить самыми обычными словами, как будто это могло уберечь от льющейся с небосвода смерти!

На сей раз эти слова произнес Кицум, старый клоун, никогда не расстававшийся с бутылкой. У него уже здорово тряслись руки, а изо рта пахло какой-то алхимической гадостью, даже когда он — редкое дело! — случайно оказывался трезв. На помост он выходил только после «маленького гло-

точка на удачу». Объем «глоточка» менялся от двухкулачной кружки до целой бутылки забористого гномьего «Каменного жара».

Она поежилась, тщетно пытаясь сберечь последние остатки тепла. Все, сейчас ее поднимут. Фургон остановится самое большое на несколько минут, набрать воды в придорожном колодце, а затем потащится дальше, через лесное, буреломное безлюдье, через Суболичью Пустошь, отделявшую славный град Хвалин от не менее славного града Острага.

«...Только бы успеть, покуда Ливень не нагнал...»

Они не останавливались на ночлег. Не разводили на привалах огня. Пищу кое-как варганили на железной печурке, опасая ради вынесенной за борт фургона.

Потому что, если дождь застигнет в пути, всем им можно читать отходную.

Не дожидаясь пинка в бок, девушка откинула одеяло и потянулась — легко, грациозно, словно дикая кошка. Что, кстати, было не так уж далеко от истины. Заостренные ушки и в самом деле придавали ей определенное сходство с кошкой — притом именно с дикой.

Агата — из племен Дану. Точнее, Агатой ее звали люди — за редкостные волосы, иссиня-черные, чернее воронова крыла; а как звучало ее настоящее имя, никого не волновало.

— А, очухалась... — Кицум сидел на своем облезлом сундучке и пил дымящийся чай из костяной потрескавшейся кружки. Фургон немилосердно трясло, однако старый клоун неведомым образом ухитрялся не пролить ни капли.

Боги! Кицум пьет с утра чай!

— Давай-ка за дело, остроухое отродье. Вон котлы с вечера не чищены. А воды за тебя — и сюда и господину Онфиму — Троша натаскал. Дала б, что ли, парню в благодарность...

Девушка (вернее сказать — девочка; по человеческим меркам она выглядела лет на четырнадцать, не старше; а сколько по счету нечестивцев Дану, всякий верующий в Истинного Бога никогда не станет и задумываться) насмешливо присела, пальчиками оттянув в стороны складки широких порток.

— Если ты пьешь чай, то неужто сие значит, что бочонок гномьяда показал дно, о почтенный Кицум, да не опадет белизна грима с твоих щек на помосте? — Агата ловко увернулась от пущенного ей в голову драного башмака и показала старику язык.

Кицум относился к ней *лучше всех* в труппе. Если не считать, конечно, Троши, такого же парии, как и она.

Башмак врезался в полог и, завершая полет, опустился напрямик на голову рекомому Троше, молодому парню, взятому в цирк Онфима и Онфима за редкостное здоровье, от природы громадную силу и столь же громадные благоглупость с доверчивостью. Он работал с тяжелыми стальными шарами, соединенными цепью, подбрасывал их, крутил, вызывая неизменные охи, вздохи и закрывание шалями лица у дебелых купчих, по неразумию мужей угодивших на Хвалинскую, Острагскую либо Ежелинскую ярмарки. Почти каждое выступление заканчивалось тем, что хозяин Онфим-первый брал Трошу за руку и куда-то уводил, возвращаясь всякий раз весьма довольный. Парень же появлялся не иначе как на следующее утро и на жадные расспросы Тукка и Токка, братцев-акробатцев, отвечал лишь недоуменным пожиманием плеч:

«Да всю ночь на мне скакала, корова треклятая... Лучше б я шары лишний раз повертел. Удоволье... чего? Не знаю я таких слов, господин Тукк, простите великодушно... Устал, вот и все. И выспаться не дали. Как всегда...»

— Ой, — дисциплинированный Троша немедля открыл глаза. — Виноват, господин Кицум... Уже встаю, господин Кицум...

— Помочь вам оправиться, господин Кицум? — искусно подделывая голос, продолжила Агата, уже склонившись над котлами.

— Болван!.. Тьфу, Агата, блудливая кошка, это опять ты! Который раз ловлюсь на твоём дурацком фокусе!..

Девушка-Дану фыркнула.

Пока не проснулись господин Онфим, братцы-акробатцы и прочие обитатели двух цирковых фургонов, она могла себе это позволить. Потом в ход пойдут кнуты или заклятья, терзающие плоть дочери племен Дану. Если, конечно, она не будет слушаться.

Агата пригнулась еще ниже.

Песок да ледяная вода — и оттирай, как хочешь, застывший жир с накипью. Как бы плохо ни шли дела, господин Онфим-первый и братцы-акробатцы, наушники и прихлебатели хозяина, в еде себе не отказывали. Правда, потом господин Онфим брал плетку и лично сгонял с повизгивающих братцев лишний жирок.

— Привет, Троша.

— Ой, привет, Агатка... — Он покраснел, в один миг сделавшись смуглым, точно запеченный солнцем дикий южанин-рыбоед с Островов.

Смешно — парень, которого на ярмарках каждый день подсовывали какой-нибудь купчиче, а то и скучающей барыне из благородных, пасовал и смущался перед Агатой неимоверно. Бесхитростное его сердце, похоже, навеки оказалось пленено остроухой черноволосой девчонкой-Дану,

отвратной и богомерзкой Нелюдью, согласно авторитетному мнению господ богословов Мельина, южной имперской столицы.

— Ты принес воды, спасибо.

Не больно-то радостно начинать день со столь мерзкой процедуры, но что поделаешь. Никто не знает, что может вывести из себя господина Онфима-первого. Порой он не обращает на чистоту посуды никакого внимания, а порой закатывает из-за этого несусветные истерики, кончающиеся побоями и порками.

Троша хотел было ответить, но засмутился еще больше и только махнул рукой.

— Дык что я... я ж всегда...

— Эй вы, там, продрали глаза, ленивые тушканы? — гаркнул с козел Нодлик, вторую половину ночи просидевший за кучера. Вообще-то они с Эвелин были жонглерами; оба то и дело наставляли друг другу рога, ссорились и дрались, однако тотчас же приходили к полному согласию, когда дело касалось насмешек или оскорблений по адресу Агаты.

— Сколько мы отмахали, Нодлик?.. Давай бросай вожжи, у меня чай тут имеется, — откликнулся Кицум. — Холодная дорога леденит грудь и душу, пора маленько отогреться!

Агата никогда не могла понять, как можно одинаково относиться ко всем — и к ней, и к Троше, и к Нодлику с Эвелин, находившим своеобразное удовольствие в том, чтобы сделать девчонке-Дану очередную гадость.

— Чай? Ты сказал «чай», о величайший из комиков? — возопил Нодлик. — Гони сюда эту драную кошку! Агата! Давай шевелись, не то мигом у нас схлопочешь!

«У нас» было сказано не даром. Эвелин никогда не упускала случая принять участие в расправе.

— Оставь ее, Нодлик. Она драит котлы.

— А-а... самое место для такого дерьма, как эти Дану. Ну тогда Трошу сюда.

— Ага, ага, сейчас, господин Нодлик... — заторопился силач.

Нодлик швырнул ему вожжи (ловко угодив при этом концом одной из них Троше в глаз) и перелез с козел внутрь фургона. Был он высок, но весь какой-то нескладный, костлявый, изломанный, с длинной унылой физиономией, оживить которую не мог никакой грим. Лоб жонглера покрывали многочисленные ало-синюшные прыщи; редкие волосы, пегие от седины, висели сальными сосульками — а ведь Нодлику по людскому счету исполнилось всего тридцать пять!..

— М... уже встаем?.. — осведомился хриплый голос, как будто бы принадлежавший женщине. — Эй, стерва, мой завтрак готов?

«Стерва» было у Эвелин самым ласковым словом для Агаты.

— Она чистит котлы, подружка, — счел нужным заметить Кицум.

— Ну ты и козел... Нашел, что ей поручить... Пусть бы Онфим ей еще и за это всыпал — все развлечение...

Эвелин выбралась из-под пары одеял — в отличие от Агаты, довольствовавшейся какими-то лохмотьями, у всех прочих, включая Трошу, одеяла были нормальные, господа Онфимы понимали, что от простуженного артиста толку мало. Однако мысль о том, чтобы поделиться теплом с *Нелюдью-Дану*, не пришла в голову даже простодушному Троше. Собственно, в этом смысле он ничем не отличался от остальных.

Агата дернула щекой.

«Они все просто грязные свиньи. Грязные, пьяные, совокупающиеся свиньи. Свинья может опрокинуть Дану в грязь, но истинный Дану никогда не обернет свой гнев против нее», — хотя, по правде говоря, сия сентенция, извлеченная из Atann-eeuy Akhimm, Тан-эу-Ахим, если писать примитивными людскими буквами, Царственного Шестикнижия, последнее время что-то перестала утешать Агату.

Теперь все обитатели первого фургона были в сборе. Кицум, Нодлик, Эвелин, Агата и Троша, сидящий на козлах. Позади тащился второй фургон их цирка — существенно больше и богаче. Полог над ним был новым и прочным, без единой прорехи. Там ехали сам господин Онфим-первый, Еремей — заклинатель змей, братцы-акробатцы и Таньша — Смерть-дева, как прозывали ее ярмарочные зазывалы. Сам господин Онфим, как и положено хозяину, занимался сбором денег и раздачей жалованья. Его единотробный брат Онфим-второй сидел в Ежелине, отправляя посредством почтовых заклятий брату известия, где и когда будет выгоднее всего устроить представление.

Агата — прислуга, посудомойка, швея, повариха, танцовщица, музыкантша, акробатка, живая кукла, которую Кицум на потеху почтеннейшей публике лупил по голове и иным частям тела бутафорской плетью, живая мишень в аттракционе Смерть-девы — завершала список артистов «Онфима и Онфима». Излишне говорить о том, что никакого жалованья ей не полагалось. Тонкую шею Дану охватывал заговоренный ошейник из грубого железа. Она была рабыней без права выкупа.

— Давайте, давайте, на молитву, быстро, — торопил остальных набожный Нодлик. — А ты, данка, zenки свои богомерзкие опусти, неча тебе глядеть, как народ честной истинному Богу молится...

Истинный Бог. Который отдал в руки своего избранного народа всю землю, от окоема до окоема, испепелил его врагов, упрочил его твердыни

и придал несокрушимую мощь его оружию. И который неусыпно, каждый день, помогает ему и сейчас.

Все в фургоне, за исключением Агаты, затаили молитву. Церковь не допускала Дану ни к причастию, ни к крещению. Они имели право существовать либо как враги покоренные — то есть как рабы; либо как враги пока еще не покоренные, но это, конечно, временно.

Непроизвольно Агата прислушивалась к монотонно бубнящим голосам.

— ... И не попусти злу свершиться...

— Боже, избавь нас от...

Все обычно. Эту утреннюю молитву Агата уже заучила наизусть. Ее гнушавили попы в рабском лагере, куда сгоняли всех только что схваченных, попам отвечали пропитые голоса стражников; тянули тюремщики в заведении для не желавших так просто смириться с рабским ошейником; бормотали жирные перекупщики, выклянчивая себе хоть немного удачи, то есть удачного обмана; шипели хозяйки, явившиеся выбирать себе прислугу, а мужу — наложниц, ибо Дану — не люди, а просто сосуд для удовлетворения низких мужичьих нужд...

Агата слушала молитву. Сколь же велика, наверное, власть этого нового Бога, если он дал в руки хумансам страшную, неодолимую боевую магию, на исконных землях Дану, эльфов, гномов, орков, троллей, кобольдов, половинчиков, хедов, гурров, гаррид и многих еще иных — помог создать мрачную Империю, страх и ужас всех нечеловеческих рас, ненасытное чудовище, пожирающее сердце и печень своих врагов, отхаркивающееся легионами, что идут все дальше и дальше, до самых океанских берегов. И вместо гордых лебединых кораблей эльфов и Дану, что неслись по волнам в стремительном полете, моря теперь раздирают таранные носы боевых галер, окочеванных красной медью...

...А Епископат усердствует, по всковому правилу «разделяй и властвуй», и вот уже полезные Империи Вольные, народ непревзойденных воителей, объявлены допущенными к причастию, вот уже покорившиеся половинчики объявлены «просвещения путем идущими», их городишки и деревушки обложены тяжелой данью, церковной, орденской и имперской десятинами, но — оставлены в относительном покое.

Церковь и маги милостиво позволили кое-как торговать загнанным глубоко под землю гномам, выполнять кое-какую черную работу оркам, троллям и гоблинам, пропускают они на имперские рынки и мрачные караваны кобольдов.

А богомерзкие Дану и эльфы объявлены вне закона. Как и несдавшиеся хеды, гурры, гарриды. Но эти едва ли по-настоящему понимают, что проис-

ходит, убийцы они и дикие кровопийцы, с ними вели беспощадную войну еще Дану, прежние хозяева лесов...

Руки Агаты, не требуя вмешательства головы, все это время усердно драили железные внутренности котлов.

— Ты что, уже закончила? — Эвелин придирчиво оглядела оттертую до немыслимого блеска сталь. — А вот мы сейчас проверим...

— Эй вы, там, на головном! — завопили сзади.

Агата подняла голову.

Здоровенный фургон господина Онфима-первого тянула аж шестерка запряженных парами лошадей. На передке восседал Еремей — заклинатель змей; впрочем, сейчас он не восседал, а как раз напротив, подпрыгивал и размахивал руками.

— На головном! Помолились уже аль нет? Господин Онфим спрашивают! И еще — слухай сюды! Господин Онфим данку немедля к себе требуют!

— Помолились, помолились, — буркнул Нодлик.

В мутноватом взгляде Кицума, устремленном на Агату, мелькнуло нечто похожее на сочувствие.

Хозяин бродячего цирка имел несчастье проснуться слишком рано. Обычно в пути он продираал глаза не ранее полудня. Молился; после чего брался за дела. Собственно говоря, это означало неприятности для всех без исключения артистов, в том числе и для братьев-акробатцев; лишь Смерть-дева, с энтузиазмом согревавшая господину Онфиму-первому по вечерам постель, могла чувствовать себя в относительной безопасности.

Здесь, посреди Суболичьей Пустоши, с висящим на плечах Смертным Ливнем, быть вышвырнутым из фургонов означало верную гибель. Господин Онфим и так был в ярости оттого, что добрую четверть сезонной прибыли пришлось отдать острагскому магу, наложившему на лошадей заклятье неумоимости.

Девушка-Дану скользнула за борт фургона, точно стремительная ласка. В ее движениях сквозила нечеловеческая гибкость и плавность, казалось, она не бежит, а течет, точно ручеек.

Обернувшийся Троша проводил Агату долгим взглядом и со вздохом причмокнул губами.

— Ну достанется ж сейчас этой стерве! — злобно хихикнула Эвелин. — Так я не пойму, мы что, без завтрака остались?

— Переживешь, — бросил невозмутимый Кицум. Как ни странно, он не торопился прикладываться к бутылке — то ли запасы и вправду иссякли, то ли ему во сне явился сам святой Сухорот, ненавистник пьющих.

Эвелин скривилась, однако смолчала — они как-то попытались вместе с Нодликом устроить клоуну «темную». Жонглер отлеживался неделю, а Эвелин пришлось изрядно раскошелиться, чтобы чародейка-косметичка исправила ей известную асимметрию физиономии. Больше задевать Кицу-ма они не решались.

Гнев свой женщина немедля выместила на Нодлике. Втянув голову в плечи, тот принялся за стряпню.

* * *

Агата ловко увернулась от хлестнувшего совсем рядом кнута. Заклинатель змей разочарованно чертыхнулся.

— Доброе утро, господин Еремей, — медовым голоском пропела Агата, ухитрившись на бегу сделать реверанс. Ухватила за борт повозки и одним движением оказалась внутри.

В фургоне господина Онфима было тепло. Печек тут имелось целых две, причем одна — обложенная камнями. В обеих уже горел огонь. Возле печек толкались братцы-акробатцы, крайне раздосадованные таким оборотом событий. Физиономии у обоих покрывала сажа.

Господин Онфим возлежал на сундуке-кассе, покрытом в четыре слоя одеялами. Рядом суетилась Таньша-Смерть, поднося дымящиеся плашки.

Да, небывалое дело. Господин Онфим погнал свою любовницу готовить! Обычно этим занималась рабыня-Дану; сегодня, видать, случилось что-то особенное.

Утруждать себя приветствиями хозяин цирка не любил. Даже с Таньшей он разговаривал, как правило, так: «Ну, готова? Сколько ждать можно? Задирай юбку, стерва, и нагибайся! А вы отвернитесь, скоты...»

— Мы проезжаем остатки Друнгского Леса, — прошипел Онфим. — Сейчас сделаем остановку. И пройдемся. Вдвоем с тобой. Бери свои причиндалы. Да не заставляй меня ждать! Не то...

— Да, господин Онфим, — Дану низко поклонилась.

«Грязные свиньи. Друнгский Лес! Западная граница земель Дану... последний оплот. Я знала, что он окажется на нашем пути... Он звал меня, он узнал меня за десяток миг — однако не смог разглядеть ошейник на моей шее... Великие Боги, Онфим, оказывается, неплохо знает историю!.. И мне вновь придется смотреть, как нога жалкого хуманса топчет священную землю моих отцов!..»

Однако сделать она все равно ничего не могла. Ошейник заклепали умелые чародеи.

Онфим отбросил одеяла. В темно-зеленом охотничьем кафтане, в высоких сапогах и с кривой арцахской саблей на поясе он совершенно не

походил на содержателя бродячего цирка, недавно разменявшего шестой десяток, отравившего изрядное брюшко, большого любителя пива и женщин — как человеческих, так и нечеловеческих рас. Невесть куда исчезли одутловатые щеки, а блеклые глаза горели настоящим, живым огнем — такого не случалось даже в самые счастливые моменты его жизни, когда он считал выручку.

— Я жду, — холодно напомнил он.

Агата молча поклонилась.

— Еремей! Останавливаемся, — скомандовал Онфим.

Братцы-акробатцы глядели на Дану злыми крысиными глазками.

Догнать головной фургон, схватить теплый плащ — единственную оставленную ей вещь, натянуть дорожные сапоги было делом одной минуты. Повозки со скрипом остановились; Кицум, разинув рот, глядел на хозяина.

— Господин... Господин Онфим! — от испуга он хрипел и спотыкался чуть ли не на каждом слоге. — Дожди... господин Онфим...

Агата едва не упала, заметив улыбку на тонких бескровных губах хозяина.

— Все в порядке, Кицум. Я все предусмотрел. В том числе и эту остановку. Ждите нас... мы недолго, самое большее — до вечера. А чтобы у горячих голов поубавилось соблазну удрать вместе с фургонами и деньгами, на лошадей я налагаю заклятье Пут.

Он поднял руку. На безымянном его пальце Агата увидела кольцо с изумрудного цвета камнем в дешевой бронзовой оправе. Онфим пробормотал слова пароля, и камень вспыхнул, исчезнув в ярко-зеленом пламени. На кольце осталось лишь пустое гнездо.

На мгновение заложило уши.

— К моему приходу чтобы в фургоне было натоплено и ужин готов, — неприятным голосом распорядился Онфим. — А теперь давай вперед, данка!.. Отрабатывай свой хлеб!..

Агата молча двинулась вперед.

«Ты меня удивил, Онфим. Никогда бы не подумала, что ты знаешь о нашем Лесе. Никогда бы не подумала, что ты захочешь сам залезть в него. Но самое главное — что тебе нужно в Друнском Лесу? Ваши маги прочесали его вдоль и поперек. Да и людей побывало множество — они искали золото Дану, глупцы... Ты не похож на глупца, Онфим. Ты грязная, жестокая, развратная и бесчестная свинья, Онфим, но при этом ты далеко не глуп. Так зачем же тебе понадобилось в наш Лес?»

Деревья вдоль дороги росли обычные, человеческие. Мусорные деревья, как называли их истинные Дану. Мелкие, худосочные, примученные гнилью

и тлями, кое-где опутанные паутиной шелкопрядов. Их ненавидящие взоры впились в спину Агаты; безъязыкие рты разомкнулись, изрыгая поток грязных и отвратительных ругательств, неслышимых ни для кого, кроме нее. Пожелание быть изнасилованной и задушенной собственным отцом могло на этом фоне сойти за изысканную вежливость.

Чуть дальше от дороги лес стал почище. Оно и понятно — деревья вдоль Тракта принимали на себя всю злобу проезжающих, все их горе и разочарование, а оттого — болели, чахли, но не умирали и даже давали потомство. Бесконечность же мук только усиливала злобу.

Ветки попытались вцепиться Агате в волосы, выцарапать глаза — Онфим хлестнул по ним тонким костяным стеклом, и девушка ощутила внезапный ледяной укол под ложечку — желтоватая кость явно таила в себе какое-то заклятье, и притом не из простых.

— Чего встала? А ну шагай, остроухая!

Они пробирались сквозь унылые заросли — листья и трава казались покрытыми пылью, хотя откуда здесь пыль? Липы и клены соседствовали с соснами, грабами и пихтами — результат всеобщего магического хаоса в годы Войны с Дану, о которой людские менестрели поют на каждой ярмарке, на каждом торжище и на каждом постоялом дворе.

Уцелевшие Дану стараются по мере сил о ней не вспоминать.

— Куда идти, господин Онфим? — еще одна жалкая попытка самозащиты. Не *хозяин*, а *господин*, просто вежливое обращение...

— Не прикидывайся, что не знаешь, остроухая. Веди меня в Друнг! В самую глубь! Ты чувствуешь его, я знаю. Веди!

Агата коротко поклонилась. Закрыла на миг глаза, отрешаясь от болезненного, злобного леса, жалкой на него пародии, что окружал ее сейчас; чувства девушки-Дану потянулись вперед, к недалеким холмам, где из каменных гротов еще текли быстрые, незамутненные ручейки, где на косогорах еще высились настоящие Lhadann Naastonn, Истинные Деревья, где все иное, даже воздух...

Там, где родина Дану.

Лес отозвался тотчас же — слитным гудом исполинских ветвей, нежным трепетанием не знающей увядания листвы (когда Дану отступили, Lhadann Naastonn научились сбрасывать листву на зиму — наивная попытка защититься от гнева хумансов, чей закон «Уничтожь незнакомое!»).

Онфим держался позади Агаты в трех или четырех шагах. Правая рука на эфесе сабли; левая сжимает костяной стек. Наслышан о чудовищах Друнга, зародившихся из останков злой магии, что огненной метлой прошлась по твердыне древнего народа?

Сама Агата толком об этом ничего не знала, но надеялась, что ее кровь, кровь Дану, послужит надежной защитой. Так уже случалось, и притом не раз.

Мало-помалу изуродованный человеческий лес отступал. Среди сорной травы мелькнула пушистая метелка Ssortti, на ветвях вполне обычного дубка алел кружевной венчик Dосonni, а вот и первый куст голубой Ауозynn, — считай, пришли.

«Здравствуй, Друнг. Человеческая гортань не в силах передать созвучия твоего истинного имени: Dad'rrount'got. Даже примитивное Дадрроунтгот (хотя и оно не имеет почти ничего общего с твоим настоящим прозвищем) слишком сложно для них. Друнг! Кличка собаки или племенного быка...»

Ну вот ты и начался, Dad'rrount'got. Я ступаю по твоей земле, а шея моя охвачена злым человеческим железом. Наговорным железом. И я бессильна против него. Я могла умереть, но мне были завещаны жизнь и месть. И потому я веду этого грязного хуманса, чье дыхание зловонней разлагающейся мертвечины. Прости меня, Великий Лес, прости свою ветреную внучку, она слишком долго пела и танцевала... Но теперь она платит по счетам всего племени Дану».

— Мы на границе Друнга, господин Онфим.

— Старайся, остроухая, и, быть может, проживешь сегодняшний день без порки. Давай веди дальше! Веди, кому говорят!

Если Онфим и был удивлен открывшимся ему зрелищем, то виду не показал.

Друнг начался. Исчезли кривые, изломанные стволы, изглоданные вредителями чахлые листья. Шуршащие кроны вольно распахнулись над головами, зазвенели птичьи голоса. До колен поднялась мягкая ароматная трава (и это в октябре!), истинная оend'artonn, чья целебная сила поспорила бы с любой алхимичьей отравой. Деревья становились все выше, их ветви сплетались, но внизу, подле могучих корней, окруженных молодой порослью подлеска, не темнело — еще одно чудо Леса Дану.

«Как странно... Лес жив. Dad'rrount'got жив, несмотря на падение всей магии Дану, несмотря на то, что его дети истреблены и рассеяны... Что-то хранит тебя, Великий Лес, что-то оберегает тебя от полной гибели... Но что — вот вопрос...»

— Шагай, данка, шагай. Веди меня в сердце Друнга, — повторил за спиной господин Онфим.

«А ведь он совсем-совсем не боится... Совсем-совсем!»

Откуда ни возьмись, под ногами появилась тропа. Заструилась, зазмеилась под ногами, ловко уворачиваясь от коричневатых громад Rraudtogow, подныривая под свисающие до земли ветви gusmallow, чьи нарядные

золотисто-зеленые листья упрямо сопротивлялись стылой осени, мимо иных чудес Великого Леса, мимо, мимо, мимо...

Когда-то Dad'groun'got можно было пересечь самое меньшее за неделю. Потом Хвалинский тракт рассек его почти пополам, точно удар вражьего меча. То, что лежало южнее дороги, уничтожили маги Красного Арка при помощи подавшихся на новые места обитателей перенаселенных окрестностей Ежелина. Северная же часть леса лежала в пределах владений Ордена Нерг, однако те, то ли по свойственному Бесцветным равнодушию ко внешнему миру, то ли еще отчего-то, не стали искоренять наследие богомерзких Дану. Окраины Великого Леса вымирили сами, благочестивые правители окрестных земель, понукаемые Епископатом, отправляли одну лесорубную экспедицию за другой. Друнг должен был исчезнуть давным-давно... однако отступив, точно воин, на самый последний рубеж (теперь, чтобы пройти его насквозь, требовался всего один день), уперся изо всех сил — и каким-то чудом выстоял. О нем стали ходить самые страшные слухи. Агата знала, что слухи эти почти во всем истинны. Недаром Онфим прихватил с собой заговоренный стек...

Тропа обогнула громадный, неохватный ствол древнего Raggastia, резко нырнув в полутемный овражек. Агата едва заметно усмехнулась, стараясь не сбиться с шагу.

В Dad'groun'got'e не было овражков. Не было ям, провалов, размывов и тому подобного. Плавные холмы, покрытые густым лесом, перевитые голубыми лентами ручьев, — вот что такое истинный Друнг. И оказавшаяся у них на пути ямина означала только одно...

«Дочь Дану, мы верны раз данным клятвам. Сила Лесов готова служить тебе».

«Вы... Кто вы?»

«Мы — Безродные, о дочь Дану. Гнев Леса — наш отец; боль Леса — наша мать. Мы рождены, чтобы сражаться. Хуманс, идущий за тобой...»

«На мне ошейник, запечатанный его именем. Если вы убьете его, я уже никогда не смогу избавиться от этого клейма... Но все равно — да укрепит Черная Мать вашу мощь, Безродные!»

«Тогда пусть он войдет в наше логово. Вне его мы бессильны. Магия Ордена Нерг слишком сильна».

Агата обогнула могучий ствол... почти тотчас почувствовав, что Онфим замер и напрягся. Оборачиваться не стала — прежним легким шагом она скользнула вниз, в зеленоватую полутьму заросшего, с крутыми откосами овражка.

Онфим не пошел за ней.

— Назад, остроухая тварь!!!

Она послушно остановилась, обернулась, сделав круглые глаза.

— Этот путь...

— ...ведет в ловушку, — Онфим криво усмехался, рука, сжимавшая стек, ощутимо дрожала. — Разве ты, урожденная Дану, не чувствуешь?

Он определенно изменился. Словно спала старая маска. Рука его лежала на эфесе, ноги чуть напряжены, поза казалась почти обычной... но именно казалась.

Агате пришлось призвать всю выдержку, чтобы не вскрикнуть. Это была начальная позиция упражнения «Семь зеленых драконов проходят над морем», выполняемого с кривым мечом Tzui, — откуда его мог знать немолодой содержатель бродячего цирка?

— Я не чувствую никакой опасности, господин Онфим.

— Поди сюда! — жестко приказал он.

Железный ошейник внезапно стал почти нестерпимо горячим. Поневолле пришлось вернуться.

— А теперь смотри, — Онфим поднял стек, указывая им на устье овражка.

«Бегите, братья! Бегите!!!»

Она не знала, возымел ее призыв действие или нет. С конца стека сорвалась алая молния, и овраг в один миг затопило пламя.

«Магия Ордена Арк. Оно и понятно. Остраг — их владения...»

— Вот так. — Онфим казался мрачен. — Теперь мы можем идти. — В голосе его вновь зазвучали привычные нотки — нотки алчного и недалекого хозяина жалкого бродячего цирка. — Пришлось потратить заклятье... Истинный Бог, оно стоило мне пятнадцать цехинов! Пятнадцать полновесных золотых цехинов с портретом Императора, да продлит небо его дни!..

Огонь бушевал недолго. Магия убивает быстро.

Они миновали обугленные склоны. Царило безмолвие.

Агата шла, точно во сне.

«Онфим владеет Силой! Не может быть, чтобы чародеи Арка так просто разбрасывались боевыми заклятьями! Они не продали бы его ни за пятнадцать, ни за сто пятьдесят цехинов! Ты лжешь, Онфим! Ты сам — из числа адептов Ордена Арк! Не иначе!..»

— Веди, остроухая, — человек у нее за спиной хрипло рассмеялся. — Веди, веди, да смотри, не ошибись в следующий раз. Я хорошо умею распознавать укрявища Безродных. Иди... и говори, что ты чувствуешь, да смотри, не упусти ни одной мелочи!

«Лучше бы ты приказал мне раздеться и лечь под тебя, скотина!»

— Я слегка подогрею твое ожерелье, ушастенькая. Чтобы развязать язычок.

Резко и внезапно запахло паленым.

Боль заставила Агату рвануться вперед — рвануться слепо, отчаянно. Она не валялась в ногах человека, не просила о пощаде, она просто бежала туда, куда вел ее инстинкт. Воля, злость — все исчезло. По щекам катились слезы, она их не замечала; мысли погасли, исчезнув под натиском всемогущей боли. Злые заклятья ошейника не давали девушке пустить в ход Силы Дану; все, что она могла, — это мчаться вперед, точно подстреленная лань. Мчаться по одному-единственному пути, в конце которого ожидало спасение.

Лес что-то кричал ей, она не разбирала. О, если бы не этот проклятый ошейник! Она легко выдержала бы пытку каленым железом...

...Боль утихла внезапно, в один миг, когда глаза Агаты уже готовы были выскочить из орбит. Ее погасил не Онфим (ошейник продолжал жить, пытаясь терзать плоть своей жертвы), а что-то иное, наделенное столь великой силой, что вся мощь колдунов Арка казалась детской забавой. Это нечто склонило свои взоры к Агате.

«Привет тебе, о дочь Дану. Предсказанный час настал. Ты пришла, чтобы получить Immelstorunn»¹.

Агата почувствовала, что в глазах темнеет. Она зажала рот ладонью, чтобы небо не услышало ее ужасное богохульство.

То, за чем она охотилась, когда попала в плен. Последняя надежда племен Дану.

Но, Великие Силы, почему же за все эти годы *никто* из ее соплеменников не нашел, не обрел Его? Ведь первое, что было сделано, — это обысканы остатки Dad'groun'got'a. И притом не раз. А колдуны людских Орденов, жадно пропахавшие всю плоть заповедного леса? Они тоже ничего не нашли? Совсем-совсем ничего?..

«Во-первых, ничего не дается жадно алчущему, пусть даже и не для самого себя. Во-вторых, Immelstorunn вырастает не за один год. И есть всего лишь неделя в год Созревания, когда, в осеннюю пору, рука ищущего может обрести Immelstorunn».

Лес терпеливо ответил, громадный, невозмутимый, он не боялся смерти, он не знал, что такое страх, и по большому счету ему не было дела и до несчастной дочери Дану, жалкого осколка некогда великого племени — иначе как мог он отдать сокровище расы Дану *сейчас*, отдать девчонке в рабском ошейнике со свирепым погонялой-хозяином за плечами?

¹ Иммельсторн (язык Дану) – величайшее сокровище, магический меч племен Дану.

Перед Агатой выросло дерево, стройный, вознесшийся ввысь Aerdunne, пятиконечные листья цвета расплавленного золота чуть слышно шуршали, готовясь укрыть землю мягким зимним одеялом, собственной смертью уберечь от выстуживания, от вымерзания — после того, как пала магия Дану, зимы здесь стали куда суровее и жестче.

Совершенно обычный на первый взгляд Aerdunne. Хотя... нет, не обычный. В дереве дремала скрытая мощь, глубинная, нутряная, из тех, что не отзываются на первые попавшиеся заклятья бродяги-чародея. Сейчас эта мощь пробудилась, не замечая замершего со стеклом в руках господина Онфима-первого, не замечая железного наговорного ошейника на той, кому он намеревался вручить взрослее и хранящееся в его стволе. Дерево не желало знать, что сокровище тотчас же попадет в иные руки, руки хуманса, одного из тех, что в прах крушили саму плоть Dad'rgoungot'a. Дерево лишь исполняло свое предназначение.

Агату была крупная дрожь, и уже не могла помочь никакая выдержка Дану. Онфим, проклятый хитрец, он знал, он наверняка знал! И рассчитал все до мелочей! Наверняка и покупал ее с дальним расчетом...

Ветви медленно клонились к ее лицу. То, о чем она так мечтала, то, что грезилось ей в воспаленных ночных видениях, само шло в руки... но не к ней. Ошейник предостерегающе потеплел. Прежде чем она хотя бы помыслит о невозможном, боль скрутит ее дугой и бросит наземь, к ногам... *хозяйина.*

Листва раздвинулась. И — во всей красе своей взорам Дану и хуманса предстал Immelstorunn. Только — сорви. И — вмах, всей отпущенной дочери Дану силой — развалить от плеча до пояса того, кто стоит за спиной, а потом поддеть ослабевший ошейник и... — надвое его!..

Рука девушки не успела подняться. Онфим знал, за чем он идет сюда. Удар в затылок! И еще, вдогон, по уже падающей!..

Близко-близко, возле самых глаз, оказалась земля.

— Очень хорошо, Дану, — и без того хриплый голос Онфима вдобавок еще и дрожал. — Очень хорошо. Вставай. Мы обернулись скорее, чем я думал. Идем. Надо возвращаться. Только бы успеть допрежь дождей...

— Убей меня, — тихо попросила она, не двигаясь. — Убей, я ведь не нужна тебе больше...

Раньше девушка думала, что немедленно умрет, оказавшись в плену. Потом она думала, что немедленно умрет, когда ее в первый раз волокли к козлам для порки. Потом — потом еще оставалась надежда умереть, если она узнает, что Immelstorunn попал в руки людей. Теперь она, сама вручив величайшее оружие своей расы человеку, поняла, что не суждено сбыться и этой надежде.

— Убить тебя?.. — оплывали, грузнели щеки, ястребиный нос становился привычной гулей, набрякали иссеченные морщинами мешки под разом обесцветившимися глазами. — Ну вот уж нет, остроухая. Мне приятно смотреть, как ты корчишься. Мне приятно знать, что ты мучаешься оттого, что ваш хваленый Иммельсторн здесь, у меня, завернутый в рогожу.

«Иммельсторн! Великие Боги, как грубо и до чего же простецки!.. Впрочем, чего еще ждать от хуманса...»

— Так что я тебя не убью, не надейся, кошка. Вставай и пошли, куда я не рассердился. Нас догоняют Ливни, нам надо спешить. Вставай!..

И она встала. Безвольно, вся дрожа от пережитого.

А могучее дерево уже смыкало ветви. Оно выполнило свой долг, явив Immelstorunn дочери племен Дану. Теперь оно спокойно и не торопясь станет растить новый. В назначенный час и он найдет своего хозяина.

Человек и молоденькая Дану с острыми ушками пошли обратно к дороге.

* * *

— Глянь-кось, вернулись! — Троша первым заметил хозяина с Агатой. За спиной господина Онфима-первого приторочен был длинный сверток. Что он там нашел, интересно?..

— Ну, перевели дух? — неприветливо осведомился господин Онфим. — Трогаем.

И — невольно глянул через плечо, на восток, где весь горизонт затянули злые черные тучи.

Оттуда приближались дожди, а с ними — обычная осенняя смерть. Горе тому, кто встретит ее не под крышей, без огня и угла.

Бродячий цирк двинулся дальше.

ГЛАВА II. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ХВАЛИН

Чародеи, колдуны, ведуны, ворожеи, волшебницы и прочий люд, кичащийся магией, обожает выделиться из толпы. Чтобы — сразу, чтобы — издалека, чтобы разговоры — смолкали, шапки — ломались, а спины — гнулись.

Те маги, что помоложе, обожали черное и серебряное — кожа, накладки, шипы, цепочки, браслеты. Женщины не уступали. Эти, правда, разделились на две крайности — стриженные, с мечами, одеждой и ухватками неотличимые от мужчин; или же, напротив, волна роскошных волос до пояса

(укрепленных и удлиненных чародейством), ворох юбок, кружева, глубокие декольте, кареты, ливрейные лакеи и тому подобное.

Старшее поколение все как один облачились в плащи. Далеко не самая удобная одежда — и распахивается, и задувает, и рукам мешает — однако ж вот носят. По всем краям, от внутренних морей до Окраинного Океана, прогремел строгий указ — простонародью-де, как, впрочем, и благородным сословиям, ныне, присно и во веки веков воспрещается носить одноцветные плащи, они отныне — только для старших орденских магов, начиная с третьей ступени посвящения. Всем же прочим — двух-, трехцветье и так далее. С той поры и повелось — чем выше человек, тем меньше цветов на его плаще. Накидки в два цвета носили короли, в три — принцы, герцоги, графы, бароны и прочее высшее дворянство; ну а дальше начиналась уже вольная чересполосица.

Священники Истинного Бога, Подателя Благ, Дарителя Магии, подобным не баловались. Носили они белые ризы, и были они единственные в Империи, кто имел право на однотонный плащ этого цвета.

В восточные ворота славного города Хвалина хмурым октябрьским днем, на заре, едва только распахнулись тяжелые створки, въехал одинокий всадник. Молодое надменное лицо, обрамленное тонкой, искусно подбритой темной бородкой. Глубоко посаженные глаза. В черной кожаной куртке, плечи, обшлага, грудь — все в шипастых серебряных накладках. Несмотря на холодный осенний день, куртка на груди всадника была распахнута — так, чтобы все видели тяжелую цепь *девственной* красной меди с висящим на ней гербом Ордена Арк — три языка пламени, сработанные из чистого авальонна, Огненного Камня.

Перед раболепно склонившимися стражниками в осеннюю грязь упала мелкая серебряная монетка — стоимостью раза эдак в два больше, чем въездная пошлина. Урядник торопливо подобрал, бормоча слова благодарности, однако ж, когда всадник скрылся за изломом улицы — швырнул монету в пошинную копилку так, словно жгла она ему руки.

— Неча глазеть! — обрушился он на остальных. — Нехай магистрат давится колдовской этой серебряшкой. Тьфу, пропасть! Нам, воинам, под ноги, в грязь швырнул, точно голи кабацкой или человеку трактирному! Думал, раз больше пошлины заплатил и сдачи не востребовал, так мы его коню всю ж... вылижем? Нет уж, дудки! Сами на пиво скинемся!..

Урядник был уже в годах, вдобавок обременен большой семьей — однако в свое время он сражался и против лесных бестий-Дану, когда уже много позже Великой Войны пакостное это племя безжалостно добивали по всем просторам Империи, дрался на Берегу Черепов, подавлял баронские мятежи в Смутное Пятилетие и помнил, что такое похвала Императора,

Циклы Ника Перумова Вселенная Упорядоченного

Кольцо Тьмы

*Эльфийский клинок
Черное копьё
Адамант Хенны
Небо Валинора. Адамант Хенны*

Летописи Хьёрварда

*Гибель Богов
Воин великой тьмы
Земля без радости
Тысяча лет Хрофта*

Гибель Богов - 2

*Память пламени
Удерживая небо
Пепел Асгарда
Асгард возрожденный
Хедин, враг мой
Прошедшая вечность
Орел и дракон
Душа бога. Том 1
Душа бога. Том 2
(именно эта книга и
завершает основную историю
Упорядоченного)*

Летописи Разлома

*Алмазный Меч, Деревянный Меч
Рождение мага
Странствия мага
Одиночество мага
Война мага
Когда мир изменился
Восстание безумных богов.
Северная Ведьма
Эльфийская стража
Дочь некрманта
Вернуть посох*

Сказки Упорядоченного

*Охотники
Война ангелов*

Отдельные циклы и романы

Техномагия

Семь Зверей Райлега

*Тёрн
Алиедора
Имя Зверя*

Приключения Молли Блэкуотер

*За краем мира
Сталь, пар и магия
Остров крови*

Империя превыше всего

*Череп на рукаве
Череп в небесах*

Я, Всеслав

Конан и Карусель Богов

Александровские кадеты

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Пролог.....	6

Часть первая

Глава I. Бродячий цирк	7
Глава II. Все дороги ведут в Хвалин.....	22
Глава III. Начало пути Сидри.....	40
Глава IV. Смертный Ливень наступает	58
Глава V. Покушение	73
Глава VI. Погребенный Под Храмом.....	89
Глава VII. Что стало с людьми господина Онфима.....	111
Глава VIII. Хвалинский узел затягивается	124
Глава IX. Командор ордена Арк.....	146
Глава X. В башне огневиков.....	164
Глава XI. В подземельях Царь-Горы.....	188
Глава XII. Предложение Радуги	212
Глава XIII. Тварь из Тьмы.....	231
Глава XIV. Старые пути гномов.....	246
Глава XV. Трактир «Полосатый Кот»	262
Глава XVI. Обретение Драгнира	286
Глава XVII. Смерть всем магам	311

Часть вторая

Глава I. Смертный Ливень продолжается.....	328
Глава II. В Мельбине наступает ночь	353
Глава III. Сидри завершает свою миссию.....	376
Глава IV. Разговор с Хозяином Ливня.....	397
Глава V. Маг выходит из подземелий.....	418
Глава VI. Спасение Тави	439
Глава VII. Арк бросает вызов Хозяину Ливня	463
Глава VIII. Тяжелый разговор с баронами	489
Глава IX. Ультиматум козлоногих	515
Глава X. Штурм башни магов.....	533
Глава XI. Голосование в Долине.....	558
Глава XII. Схватка Тави и Акциума с бестией.....	584
Глава XIII. Битва гномов и имперского войска	605
Глава XIV. Когда Два Брата получают свободу	641
Глава XV. Странное бездействие Радуги.....	664
Глава XVI. Сражение	684
Эпилог.....	714